



НОВАЯ ПОЛЬША 10/2003

Содержание

1. О НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. СТИХОТВОРЕНИЯ
4. СТРАНИЦЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
5. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
6. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
7. «У МЕНЯ НИЧЕГО НЕТ, КРОМЕ СКРИПКИ»

О НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

Речь пойдет о польскости. Что это такое? Вероятно, общее национальное самосознание поляков — но что это значит, все еще неизвестно, ибо у каждого из нас есть некое самосознание. Мое самосознание отличается от твоего. Видимо, национальное самосознание — это нечто общее для нас и отличающее нас от других. Мне кажется, речь идет о чем-то слишком нечетко определенном. И хотя понятие польскости имеет для меня большое эмоциональное значение, я вовсе не удивляюсь, что кое-кто подходит к этому понятию, а особенно к разговорам о нем, с недоверием. Тем не менее я считаю, что говорить о нем надо. Во-первых, потому что интуитивно мы чувствуем: в нем заключено некое специфическое переживание ценностей — не такое, как у других. Ценности, по всей видимости, одни и те же. Мы не лучше и не хуже других и по сути дела ничем от других не отличаемся, но переживаем эти ценности по-своему. Быть может, это важный вопрос, хотя и слишком выпренный. Однако мне кажется, что к нему можно подойти практически, используя более модные понятия.

В нашем складе ума есть особый код. Чтобы достигнуть взаимопонимания с нами, особенно по серьезным вопросам, необходимо этот код знать. Поэтому, если мы не хотим использовать выпренных понятий и говорить, что польскость есть особый тип переживания общечеловеческих ценностей, давайте скажем, что польскость — это наш цифровой код. Как его расшифровать? Несомненно, правильным решением будет расшифровывать его посредством культуры. Таким образом, пожалуй, хорошо, что мы пытаемся говорить об этом здесь, на этом конгрессе. Наверняка мы не расшифруем его сразу, не ответим до конца ни на один из вопросов. Но, может быть, нам удастся добиться некоторых приближенных результатов.

Как определяет этот код история нашей культуры? Об этом можно говорить три года, но выделить лишь несколько факторов — в сущности четыре. Первый из них — наше положение в Европе 10 веков тому назад: положение на старте и сразу после старта. Второй момент, который кажется мне важным, — это наше развитие в пределах Речи Посполитой Обоих Народов. Третий фактор — относительно долгое

существование без собственной государственности в составе других держав. И, наконец, четвертый — опыт коммунистического тоталитаризма. Конечно, бросается в глаза, что можно перечислить еще несколько очень важных факторов, но давайте остановимся на этих четырех. По крайней мере я на этом останавлиюсь. Может быть, вы будете говорить о чем-то другом.

Итак, первое: исходное положение в Европе. Думаю, что для нашей культуры, для нашей самоидентификации, для польскости важно было то, что в Европе мы были младшими. Это была и цивилизационная, и культурная молодость — в смысле понятия о ценностях. Мы были младшими и долго догоняли Европу. Если принять, что в Европу мы вошли через баптистерий в X веке, то лишь к XV веку мы более или менее догнали ее. Мы стали неким субъектом, если не принадлежащим к высшим сферам, то по крайней мере гармонирующим с высокоразвитыми культурными субъектами. В тот период мы были причастны к западной культуре, хотя причастность эта была специфическая, ибо мы выбрали путь независимости от Империи. Все остальные или почти все выбирали в то время путь принадлежности к Священной Римской Империи. Даже народы Центральной Европы — например, чехи. Мы выбрали иной путь, и, можно сказать, этот выбор был удачным. Однако мне кажется, что прежде чем у нас все получилось, мы сами выбрали этот путь, т.е. решили быть в Европе, но иначе, нежели другие народы. И нам удалось построить такое независимое государство. Думаю, что даже главный фактор, объединявший нас с Европой, — наше католичество — уже тогда несколько отличалось от западного, особенно от католичества Империи, прежде всего от его институциональной формы.

Следующий фактор — создание наднациональной федеративной структуры на стыке западной и восточной культур. Благодаря этому мы вышли за пределы т.н. Запада. Это второй элемент, очень важный для нашего самосознания. Польская культура перемешалась с литовской, русской, украинской, татарской и т.д. По моему глубокому убеждению, с тех пор нельзя говорить — как это делали многие, в т.ч. и в XX веке, — о чистой польскости. Мне кажется, это вздор. Ничего подобного не существует. Начиная с XVI века польскость функционирует только во взаимосвязи с перечисленными мною культурами — может быть, как доминирующий элемент общей культуры, но все-таки лишь как элемент. Произошло сближение с культурой из-за восточной этнической границы Польши, а также с восточной духовностью — во всей ее

глубине, в ее великой положительной силе, но и в ее непростых чертах, усложняющих наше участие в европейской цивилизации. О том, что мы взяли из этой восточной духовности, опять-таки можно написать несколько томов. А потом, через несколько сотен лет, наступило великое разделение Европы — на этот раз не по географическому принципу. Это было разделение на сверхдержавы и покоренные народы. Мы оказались в числе покоренных народов. Их было много — в этой части Европы по меньшей мере двадцать. Возможно, мы были самым крупным из покоренных народов, но все же мы принадлежали к их числу. А в это время Европа стала мировым лидером. Выражаясь язвительно — мировым эксплуататором. Это почти половина правды. Во всяком случае период своего величайшего процветания Европа переживала, когда у нас не было своей государственности. Лучший период истории Европы — это 1815–1914 годы. И если кто-нибудь скажет, что не может быть счастливой Европы без свободной Польши — а говорят это многие в самых разнообразных выступлениях, — то он попросту соврет. Мы должны отдавать себе в этом отчет.

Наконец, судьба не обделила нас опытом коммунизма. Эту странную утопию, которая на протяжении многих десятилетий была надеждой бедняков всего мира, испытали и на нас. Мы дорого за нее заплатили — большинство из нас помнит, какую цену. Пожалуй, мы так еще и не осмыслили результатов этого опыта, но каким-то образом мы их чувствуем. Может быть, мы не понимаем их умом, а сформулировать что-либо на их тему нам удастся еще реже, но мы ощущаем эти результаты на собственной шкуре. Думаю, мы должны постараться понять этот опыт, поставленный на нас самих, как можно лучше, ибо благодаря ему мы и хуже Запада, и лучше его.

Суть польскости следовало бы искать на пересечении перечисленных мною четырех групп исторических факторов. Разумеется, было множество других факторов, но без какого-либо из этих четырех любые высказывания о сути польскости были бы неточны. В названии нашей встречи есть выражение «спор о будущем». Спорить мы, конечно, можем, но наше влияние на ход культурных макропроцессов, прямо скажем, весьма ограничено. Очень важна политика, но и она всего не решает. Если бы все дело было только в ней, нас не было бы уже больше двухсот лет. Важно развитие официальной культуры — той, которую мы здесь представляем. Однако те из нас, кто постарше, помнят времена, когда эта официальная культура покрыла себя позором и несмотря на это мы все-таки не

поддались советизации. Оказалось, что общество выплюнуло то, чем его пытались накормить. Оказалось, что можно испытывать культурный голод и в то же время выплевывать то, чем кормят насильно. Очень многие люди моего и более старших поколений научились жить без польской культуры своего времени, ибо когда они приобщались к культуре, эта современная им культура была неприемлема. Важно образование, но если бы оно было важнее всего, мы бы уже восемь поколений назад перестали быть поляками. За исключением одного поколения все остальные учились в весьма странных школах — чаще всего в иностранных. Важны — и сегодня это беспокоит нас больше всего — деньги и рынок. Но рынок интересует не культура как таковая, а лишь один из ее уровней — развлекательный. Ценности нерентабельны и не представляют для рынка интереса. Что же нам нужно? Нам нужна элита, которая служила бы ценностям. Не знаю, подобает ли здесь, на этом конгрессе, говорить на иностранных языках, но три дня назад неподалеку от Витебского университета я прочитал забавный лозунг, написанный, конечно же, оппозицией. Позволю себе процитировать его в расчете на то, что большинство из вас прекрасно его поймет: «Если барин без сапог, значит барин педагог» [по-русски в оригинале]. И, вопреки рынку, так оно и будет, ибо так оно и должно быть. Возможно, представители официальной культуры будут хорошо зарабатывать. Возможно, мы наконец разбогатеем. Но тогда общество будут воспитывать другие люди — люди бедные, а не мы. Этому учит нас история. Поэтому я не так уж боюсь опасностей рынка.

Выводы. Разумеется, культура зависит не от того, что будет влиять на нее извне, а от того, что будет расти благодаря нашим усилиям. Во-вторых, необходимо быть в Европе. Конечно же, конечно, — быть в Европе. Мы не боимся этого. Лично я опасался бы только Европы сверхдержав. Если нужно будет выбирать между сверхдержавами и слабыми странами, я предпочту, чтобы мы были со слабыми и среди слабых. Если в свое время человек был против Ялты, он не может принять Ялту с заменой Лабы на Буг. Может быть, с политической точки зрения это следует принять. Может быть, надо принять это как очередное приближение ко всей Европе. Но только как приближение. Потому что если мы примем, что польской культуре соответствует лишь Польша по эту сторону Буга, то, пожалуйста, — кто хочет, может такую культуру создавать. Только пусть будет последовательным: пусть это будет польская культура без Костюшко, без Пилсудского, без Мицкевича, без Словацкого, без Монюшко. Полонез «Прощание с родиной» — это прощание не с Варшавой, а с белорусской глубиной.

Мы можем и должны быть в Европе. Но мы сами и наши партнеры должны сознавать, что мы — не кусочек мозаики, который подойдет к замкнутой территории Европы. Мы не будем подходить — мы будем выдаваться. Мы будем неудобным элементом этой Европы. Мы всегда были неудобными.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Подходит к концу трехлетний застой в экономике. Польские фирмы достигают все более высоких показателей, благодаря чему у них появляются деньги на инвестиции: в первом полугодии их доходы составили 8,8 млрд. злотых; в тот же период прошлого года — 1,5 млрд. Некоторые фирмы увеличили свои капиталовложения на 80%. Даже самые скептические экономисты уже не сомневаются в том, что в этом году экономический рост составит 3%. Мартин Мруз, главный экономист банка «Сосьете женераль»: «Трехпроцентный экономический рост лучше однопроцентного. Но для того, чтобы простой человек почувствовал улучшение, необходим рост ВВП по крайней мере на 5%». («Газета wyborcza», 23–24 авг.)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), в июле стоимость продажи в промышленности возросла на 10,3% по сравнению с июлем прошлого года. Быстрый прирост продажи в промышленности продолжается уже несколько месяцев: с начала года ее стоимость возросла на 7,5%. («Жечпосполита», 21 авг.)

• Деятельность бывшего министра финансов Гжегожа Колодко можно оценивать по-разному, но в одном он, кажется, не ошибся: в этом году экономический рост может приблизиться к 3,5%, записанным им в бюджете. («Ньюсуик-Польша», 31 авг.)

• Недавно бывший министр финансов проф. Гжегож Колодко пробежал марафон в Танзании, показав время 3 часа 2 минуты 12 секунд. Бег проходил на высоте более 4000 м над уровнем моря. («Политика», 16 авг.)

• В Польше выпекают почти 200 сортов хлеба. В год среднестатистический поляк съедает около 120 кг хлебобулочных изделий, т.е. в два раза больше, чем среднестатистический немец или француз. Особым успехом среди зарубежных туристов пользуется черный хлеб с добавлением различных зерен, орехов или слив. Традиционный польский хлеб пекут на закваске из муки и воды. Лучшие пекари придерживаются рецептов, которым иногда более 300 лет. Пекари из других стран посылают своих подмастерьев к

польским пекарям на обучение. Один из польских специалистов, пекарь в четвертом поколении, считает, что своим нынешним успехом поляки обязаны временам ПНР, когда у польских пекарей не было возможности пользоваться современными технологиями, применяемыми на Западе, которые, как потом оказалось, ведут в никуда. («Впрост», 31 авг.)

- По данным ГСУ, в 1999 г. средняя зарплата составляла в Польше 1789 злотых. Сейчас она достигла уровня 2228 злотых. С 1999 по 2002 г. реальный рост средней зарплаты (с учетом инфляции) составил 5,8%. Лучше всего зарабатывают люди с высшим образованием — их заработки в два раза выше среднего уровня доходов. Самая высокая зарплата у президентов крупных банков и фирм с иностранным капиталом — они получают 200–300 тыс. зл. в месяц. По несколько десятков тысяч зарабатывают директора более мелких, местных фирм, адвокаты и нотариусы. Молодые люди, чья профессиональная карьера только начинается, получают вначале от тысячи до полутора тысяч — около 60% средней зарплаты. На несколько сот злотых в месяц должны существовать продавцы, уборщицы, медсестры, охранники и учителя. («Жечпосполита», 27 авг.)

- Почти 70% польских работодателей не платят зарплату своим работникам или платят ее по частям и нерегулярно — настолько высока стоимость труда. («Газета польска», 27 авг.)

- В 2002 г. в Высший административный суд (ВАС) поступило 17 155 жалоб на решения налоговых инспекций и чиновников налогового контроля. До настоящего времени рассмотрено 12 421 дело. В 3512 случаях ВАС пришел к выводу, что правы налогоплательщики. («Политика», 6 сент.)

- По данным ГСУ, в июле число безработных уменьшилось на 11,6 тыс. человек. Это так мало, что формальный уровень безработицы остался таким же, как в июне, — 17,8% всех трудоспособных поляков. На сегодняшний день в Польше 3,123 млн. безработных. Из них 144 тысячи — это молодежь, выпускники. Предложений работы в июле было больше, чем месяцем раньше: работодатели предложили свыше 84 тыс. рабочих мест — на 19 тысяч больше, чем в июне. («Жечпосполита», 23–24 авг.)

- Проф. Петр Штомпка, председатель Международного социологического общества: «Недавно темой международных исследований стало отношение к труду. На вопрос, можно ли своим трудом добиться успеха и достичь удовлетворительного

уровня жизни, в Польше ответили утвердительно менее 40% граждан, в Западной Европе — 66%, в Америке — 80%. На вопрос, можно ли добиться успеха нечестным путем, в Польше ответили утвердительно 65% опрошенных, в Западной Европе — 30%, в Америке — 20%. С тем, что материальный успех и богатство, добытое собственным трудом, — это нечто положительное, в Польше согласились 30%, в Западной Европе — 45%, в Америке — свыше 70% (...) Самый позитивный и обнадеживающий момент польских преобразований — это то, что молодое поколение поляков охватила настоящая образовательная лихорадка. Данные просто поражают. В 1990 г. у нас было 403 тыс. студентов; в 2001 г. — уже 1,718 миллиона. (...) Качество общественной жизни в огромной степени зависит от того, насколько велика группа граждан, образованных так хорошо, чтобы думать не только о себе, но и об обществе, государстве, народе, международном сообществе, правах человека...» («Жечпосполита», 14–15 авг.)

- Более трех четвертей детей из малообразованных, а значит, и менее состоятельных семей поступают на платные отделения вузов. Свыше половины детей из городов, чьи родители имеют высшее образование, учатся бесплатно. На самых популярных направлениях, таких, как информатика, медицина или право, только один из десяти студентов происходит из малообразованной семьи. («Газета wyborcza», 28 авг.)

- Созданный Епископатом Польши фонд «Дело нового тысячелетия» в третий раз присудил стипендии молодым людям из бедных семей, проживающим в деревнях и маленьких городках. В этом году стипендии получили 1200 человек. Согласно уставу фонда, стипендии предназначены для хорошо учащейся, активной молодежи, происходящей из семей, где средний доход на человека не превышает 75% МРОТ, и проживающей в населенных пунктах с населением не более 20 тыс. жителей. Отчеты об использовании стипендии (в среднем 330 зл. в месяц) должны базироваться на счетах и чеках. («Жечпосполита», 18 авг.)

- Согласно отчету Института общественных вопросов, в Польше зарегистрировано 41 859 неправительственных организаций. 36,5% этих обществ и фондов занимаются спортом, отдыхом и туризмом; 12,4% — образованием; 11,6% — здравоохранением и помощью инвалидам; 10% — поддержкой культуры, искусства и охраной памятников старины; почти 5% — социальной помощью и благотворительной деятельностью. В 2002 г. членами неправительственных организаций были 12% поляков, однако лишь 6% принимали активное участие в их

работе. Наибольшее число волонтеров объединяют благотворительные организации. («Политика», 16 авг.)

- По данным опроса ЦИОМа, 75% поляков доверяют президенту Александру Квасневскому. Это на 1% больше, чем в июле. Второе место в рейтинге доверия занял депутат «Гражданской платформы» и член комиссии Сейма по расследованию «аферы Рывина» Ян Рокита (44%). На третьем месте — маршал Сейма Марек Боровский из СДЛС (42%). Меньше всего поляки доверяют Лешеку Бальцеровичу (54% недоверия) и Лешеку Миллеру (53%). («Жечпосполита», 20 авг.)

- Согласно опросу ЦИОМа, если бы выборы состоялись в конце августа, СДЛС получил бы 25% голосов, «Гражданская платформа» — 16%, «Лига польских семей» — 12%, «Право и справедливость» — 11%, «Самооборона» — 10%, крестьянская партия ПСЛ — 9%. («Жечпосполита», 5 сент.)

- Лех Валенса: «Трагедия заключается в том, что СДЛС проигрывает, а выигрывать некому». («Впрост», 17 авг.)

- Вице-маршал Сейма Томаш Наленч: «Первое в истории Третьей Речи Посполитой согласие Сейма на арест депутата породило волну спекуляций на тему законодательной деятельности, осуществляемой из-за решетки (...) Необходимо срочно ввести правило, согласно которому парламентарий, приговоренный к лишению свободы правомочным приговором суда, автоматически лишается своего мандата (...) Пока мы не положим предел депутатскому беззаконию, нет смысла требовать уважения к закону от миллионов простых граждан». («Впрост», 17 авг.)

- Депутаты Ян Рокита и Збигнев Зёбро обвинили руководство прокуратуры в сокрытии правды от следственной комиссии Сейма. Свою пресс-конференцию Рокита и Зёбро озаглавили: «Вопросы, которые мы не смогли задать прокуратуре». Депутаты созвали пресс-конференцию, так как следственная комиссия (голосами СДЛС, «Унии труда» и ПСЛ) решила, что руководители Национальной и Апелляционной прокуратуры не будут давать публичных показаний по делу Рывина. «Обвинения депутатов Збигнева Зёбро и Яна Рокиты — это политическая манипуляция», — заявил национальный прокурор Кароль Наперский, признав, однако, что среди документов следствия, переданных комиссии, не было составленного прокуратурой «плана следственных мероприятий». Почему это произошло, прокурор объяснить не смог. («Жечпосполита», 22 авг.)

- Двое советников премьер-министра, Ежи Годуля и Адам Яськов, были уволены после того, как газета «Жечпосполита» обнаружила, что в нарушение антикоррупционного законодательства они заседали в контрольных советах национальных инвестиционных фондов. («Жечпосполита», 7 авг.)

- «Я прочел в „Газете польской“ драматический репортаж о том, как польские локальные политики губят местную независимую печать. Экономический шантаж, запугивание, угрозы смерти и даже акты насилия — вот что нередко случается с местными журналистами и издателями (...) Так и чувствуется не зависящая от партийных стандартов атмосфера власти, при которой свобода душится инстинктивно (...) В провинциальной Польше даже деятелей противоположных партий объединяют общие дела и взаимозависимость. Часто вместо демократической дискуссии мы имеем дело со сговором и взаимодействием верхов во имя ловкого дележа денег, власти и гарантий безопасности. В такой системе нет места для свободного слова — особенно если, как это нередко случается, отсутствует активная гражданская среда, а экономическая судьба населения зависит от милости местных заправил». (Марек Бейлин, «Газета выборча», 21 авг.)

- Заместители министров обороны, иностранных дел и государственной казны Мацей Гурский, Богуслав Залесский и Юзеф Возняковский, а также глава Управления гражданской авиации признались, что были сознательными и тайными сотрудниками спецслужб ПНР. Информацию эту в форме объявления премьер-министра опубликовал «Монитор польский». По закону лица, которые в своих люстрационных заявлениях признались в сотрудничестве с коммунистическими спецслужбами, могут занимать государственные должности. Право окончательного решения принадлежит их начальникам. («Жечпосполита», 7 авг.)

- Высшая контрольная палата (ВКП) пришла к выводу, что при подготовке правительством Лешека Миллера т.н. начального доклада (документа, в котором предыдущий кабинет Ежи Бузека обвинялся в неумелом управлении государственными предприятиями) часть документов была уничтожена или скрыта, а сам рапорт был необъективным и вводил в заблуждение. («Тыгодник повшехный», 24 авг.)

- Агентство внутренней безопасности задержало контролера ВКП Яцека Каляса, который нашел доказательства того, что в начальном докладе правительства СДЛС содержались ложные

данные. Суд не дал разрешения на арест Каляса. («Газета wyborча», 22 авг.)

- Варшавская окружная прокуратура начала формальное расследование дела об уничтожении документов, использованных министерством государственной казны для подготовки т.н. начального доклада. По мнению председателя парламентской комиссии государственной казны Веслава Валендзяка из «Права и справедливости», «это прецедентное дело должно быть раскрыто, ибо если возникает подозрение, что правительственные документы были сфальсифицированы из политических соображений, то, значит, пора применять Уголовный кодекс». («Жечпосполита», 4 сент.)

- «Благодаря тому, что у председателя ВКП шестилетний срок полномочий — более продолжительный, чем срок полномочий Сейма, — получается, что контролем государственных учреждений часто ведает представитель оппозиции. Это хорошая практика». (Игорь Янке, «Жечпосполита», 5 сент.)

- По данным социолога Павла Спевака, политической жизнью интересуются 30% поляков. Государственной администрации доверяют 5, а законодательной власти — 7% граждан. 60% поляков хотят ограничения иммиграции, а 15% готовы помогать иммигрантам. Число явно антисемитских заявлений возросло в последние годы с 6 до 12%. («Впрост», 5 авг.)

- Директор Института национальной памяти (ИНП) проф. Леон Керес: «Создание Института национальной памяти завершено. Начинается процесс восстановления исторического сознания поляков». До сих пор прокуроры ИНП возбудили 1282 дела, касающихся коммунистических, нацистских и военных преступлений. Лишь 45 обвинительных заключений было передано в суд. Из них рассмотрено 13. По 10 делам вынесены приговоры. («Ньюсуик-Польша», 7 сент.)

- Торжества, посвященные очередной годовщине начала II Мировой войны, как всегда, начались в час нападения Германии на Польшу в том же самом месте, где 1 сентября 1939 г. в 4.45 утра немецкий броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» обстрелял польский пост в гданьском Вестерплатте. В своем обращении к ветеранам президент Александр Квасневский, в частности, сказал: «В той войне Польша стала первой жертвой гитлеровской агрессии, ибо она же была и первой страной, сказавшей тоталитарному диктату „нет“ (...) История показала, что права была Польша, а не те, кто пытался задобрить Гитлера и цивилизовать Сталина (...) Однако поляки не хотят жить трагическим прошлым. Мы смотрим в будущее и хотим, чтобы

в Европе воцарились примирение, доверие и братство». («Газета выборча», 2 сент.)

• В 23-ю годовщину возникновения «Солидарности» куски фанеры, на которых в августе 1980 г. бастующие рабочие Гданьской судовой верфи выписали свое 21 требование, были внесены в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Екатерина Гениева, председательствовавшая на заседании консультативного комитета программы ЮНЕСКО «Память мира», сказала: «Слушая президента Валенсу, я мысленно перенеслась туда, откуда приехала, — на Соловецкие острова, где в 1922 г. Советская Россия создала первый в мире лагерь, в котором коммунистическая система уничтожила около миллиона человек». Растроганный Валенса ответил: «Я благодарю судьбу за то, что она дала нашему поколению возможность выйти в широкий мир». Кроме досок с 21 требованием, комитет внес в список культурного наследия и другой польский документ — Акт Варшавской конфедерации XVI в. — первый в Европе Нового времени акт веротерпимости. («Жечпосполита», 1 сент.)

• Профессор Ежи Макарчик стал президентом Института международного права — существующей уже 130 лет организации, объединяющей самых выдающихся юристов со всего мира. В 2005 г. в Варшаве пройдет конференция института, страной-организатором которой будет Польша. В 1992–2002 гг. проф. Ежи Макарчик был судьей Европейского суда по правам человека. («Жечпосполита», 3 сент.)

• Проф. Ежи Макарчик: «Проведение конференции [Института международного права] в нашей стране — это в каком-то смысле признание ее достижений в области международного права. В Польше существуют давние традиции международного права — достаточно вспомнить профессоров Людвика Эрлиха, Цезария Березовского, Манфреда Лахса. На протяжении всего периода коммунизма в нашей стране сохранялась наибольшая интеллектуальная независимость во всем т.н. социалистическом лагере. Польская наука международного права так никогда и не признала доктрину Брежнева о т.н. ограниченном суверенитете, т.е. разделение международного права на капиталистическое, социалистическое и право Третьего мира. Мы всегда отвергали такое разделение, ибо сила международного права — в его единстве. Международное право должно быть единым во всем мире». («Жечпосполита», 3 сент.)

• Многонациональная дивизия под командованием ген. Анджея Тышкевича официально взяла на себя ответственность за центрально-южный сектор Ирака. В торжественной передаче

командования, состоявшейся в лагере «Вавилон», приняли участие представители министерств обороны трех стран, приславших самые многочисленные контингенты, — Польши, Испании и Украины. Приглашенные на церемонию местные шейхи обещали оказывать военным поддержку, чтобы в секторе царил мир. («Жечпосполита», 4 сент.)

- В состав дивизии под командованием ген. Тышкевича входят солдаты из Польши (2350), Украины (1650), Испании (1400), Болгарии (500), Сальвадора (360), Доминиканской Республики (300), Гондураса (160) и Никарагуа (100). Кроме того, во вспомогательных службах дивизии работают 160 румын, 160 монголов, 140 венгров, 100 латышей, 80 словаков, 80 филиппинцев, 50 литовцев и 25 казахов. («Газета wyborча», 4 сент.)

- «Польская гуманитарная акция» (ПГА) отправила в Ирак первый транспорт с гуманитарной помощью. Это главным образом лекарства, витамины, обувь и школьные принадлежности. Транспорт отправлен в Аль-Хиллу — город, в котором ПГА открыла постоянную миссию помощи. («Жечпосполита», 1 сент.)

- Польские солдаты, отправляющиеся в Ирак, берут с собой брошюры с обращением президента Александра Квасневского, альбомы о Польше и Войске Польском, футболки с надписью «Боланда» (Польша) и фильмы — например, о жизни мусульман, уже сотни лет живущих в Польше, или об участии Польши в развитии арабских стран. Иракцам напоминают также о том, что во время II Мировой войны польские солдаты охраняли иракские нефтяные скважины, а в 1970–1980 гг. поляки участвовали в создании иракской инфраструктуры. Это крупнейшая пропагандистская кампания в истории польской армии. (Яцек Пшибыльский, «Жечпосполита», 6 авг.)

- Возглавляемый Александром Гудзоватым «Бартимпекс» стал первой польской фирмой, открывшей свое представительство в Ираке. «Бартимпекс» намерен заняться крупными инвестициями в инфраструктуру — в частности, обеспечением багдадских квартир газом. («Впрост», 31 авг.)

- 27 августа в 5.35 утра в Басру вылетел первый рейсовый самолет польских авиалиний «Лёт». «Боинг-737», вмещающий около 150 человек, будет обслуживать трассу Варшава—Басра каждую неделю, а в будущем — два раза в неделю. («Политика», 30 авг.)

- Началась реализация инвестиций НАТО в Польше. До 2008 г. Североатлантический союз предназначит на развитие польской военной инфраструктуры более 2 млрд. злотых. Уже создана сеть безопасной связи со штаб-квартирой НАТО. Вскоре будут установлены радары дальнего радиуса действия. НАТО намеревается также финансировать расширение и модернизацию семи аэродромов, двух портов и пяти топливных баз. («Жечпосполита», 30–31 авг.)

- Согласно опросу ЦИОМа, за создание общего правительства Евросоюза высказываются 47% поляков, за создание общей армии — 52%, а за введение должности президента Европы — 32%. Против этих идей выступают соответственно 29, 26 и 41% опрошенных. О своей поддержке этих замыслов заявляют главным образом лица с профессиональным образованием, неквалифицированные рабочие, безработные, а также студенты и учащиеся (которые, однако не приемлют идеи европрезидента). («Газета wyborча», 12 авг.)

- В Минске подписан польско-белорусский договор о визовом режиме. Одноразовая польская виза будет стоить 10 евро, многократная — 50 евро. Бесплатные визы будут выдаваться молодежи (до 16 лет), лицам пожилого возраста (старше 65 лет), лицам, навещающим родственников (по 10 дней два раза в году), и инвалидам. («Жечпосполита», 27 авг.)

- Посол Российской Федерации в Польше Николай Афанасьевский: «В этом году товарооборот между Польшей и Россией составил более 6 млрд. долларов, что значительно превышает уровень 1997 года. Российские инвестиции в Польшу составляют 1,75 млрд. долларов (...) По нашим подсчетам, стоимость польских инвестиций в России — менее 20 млн. долларов. Недавно я был в Смоленске и разговаривал с польскими предпринимателями (...) Они очень довольны сотрудничеством. У них обширные планы строительства гостиниц, реконструкции центрального крытого рынка и создания терминала для грузового транспорта, в т.ч. для польских транспортных предприятий, которых в этом регионе довольно много». («Политика», 30 авг.)

- Живущая во Франции польская певица и педагог Анета Ластик записала сольный концерт песен Булата Окуджавы на русском языке. На ее диске «Русские песни» нашлось место и для песен на стихи других русских поэтов. («Газета wyborча», 25 авг.)

- Проф. Геннадий Матвеев, сопредседатель польско-российской архивной комиссии по изучению судеб военнопленных периода польско-большевистской войны 1920 года: «В России

очень мало специалистов по Польше (...) Однако стоит подчеркнуть, что в конце концов что-то все же делается. С августа существует совместная комиссия польских и российских архивистов, готовящая подборку документов по этому вопросу. Замысел заключается в том, чтобы представить все первоисточники по-польски и по-русски. Мы делаем то, чем и должны заниматься историки, — представляем факты (...) Я бы хотел особо подчеркнуть, что во время войны ни польская, ни российская сторона не стремились к геноциду противника. Были случаи недопустимого поведения, были случаи истребления людей, но всё это были лишь отдельные эксцессы. Ни польское, ни советское государство не отдавали никаких приказов, предписывающих убивать военнопленных». («Газета wyborcza», 14-15 авг.)

- «Санаторий имени Горького» — так будет называться первый польский художественный фильм о катынском преступлении. Авторы сценария — Роберт Глинский и Джамиля Анкевич. Фильм будет снят совместно с кинематографистами России и Германии, а часть средств на его создание выделяют польское министерство культуры и европейская программа «Медиа-плюс». («Газета wyborcza», 21 авг.)

- Празднуя свое 85-летие, прелат Здислав Пашковский, капеллан Общества катынских семей и убитых на Востоке, сказал: «Вся моя жизнь — это одно великое удивление величию и милосердию Божию». («Газета польска», 27 авг.)

- С 1992 по 2002 г. репатриационные визы получили всего 2500 поляков из стран бывшего СССР. С начала 90-х из Казахстана в Российскую Федерацию эмигрировали уже около 20 тыс. лиц польской национальности. По оценке последней всесоюзной переписи населения, проведенной в 1989 г., общая численность польского меньшинства во всем СССР составляла 1,1 млн. человек. (Павел Хут, «Бунт молодых духом», июль-август)

- Крупнейшее в северо-восточной Польше кладбище немецких солдат открылось в Бартошах под Элком. Туда были перенесены останки почти семи тысяч солдат, погибших в Восточной Пруссии в обеих мировых войнах. Кладбище было создано благодаря сотрудничеству польского фонда «Память» и Немецкого народного союза опеки над воинскими могилами из Касселя. («Газета wyborcza», 11 авг.)

- В этом году премия им. Яна Карского «За мужество и сердце» была присуждена Ирене Сендлер. Во время немецкой оккупации Ирена Сендлер руководила детским сектором подпольного Совета помощи евреям «Жегота» и вывела из

варшавского гетто 2,5 тыс. детей. («Тыгодник повшехный», 17 авг.)

- «Если бы не упрямый еврей из Кракова израильский дипломат Генрик Цви Циммерман, никто бы так и не узнал, что во время войны поляк Генрик Славик спас тысячи евреев. „Не пойму я поляков, — говорит Циммерман. — Иметь такой козырь и не воспользоваться им для защиты доброго имени Польши во времена, когда суждения о польском антисемитизме беспрепятственно распространяются по всему миру. Очень странно!” (...) Упрямый еврей Циммерман продолжает бороться за то, чтобы поляк по фамилии Славик занял должное место в истории, и хочет, чтобы о нем сняли фильм под стать «Списку Шиндлера». (Эльжбета Исакевич, «Газета польска», 20 авг.)

- Зыгмунт Кубяк, выдающийся знаток античной культуры, переводчик, критик, историк литературы и эссеист: «Я вижу историю в черном свете (...) с тех пор как в детстве я наблюдал нацистские зверства, а затем, уже будучи взрослым человеком, десятилетиями жил при коммунистической системе. Поэтому никто не убедит меня в том, что человечество когда-либо переживало безмятежные времена. Эта наивная писательская мечта всегда была бегством от ежедневно гнетущего нас мира». («Газета wyborcza», 12 авг.)

- Ширится явление физического, психического и сексуального насилия над детьми. В 2001 г. к представителю по правам ребенка поступило 120 подобных дел, в 2002 г. — 720, а в этом году только до конца апреля — уже 820. («Газета wyborcza», 29 авг.)

- Несмотря на то, что число осужденных за жестокое обращение с животными уже несколько лет неуклонно растет, суды редко приговаривают за это преступление к тюремному заключению не на условный срок. Частым поводом прекращения дел об издевательствах над животными становится формула: «малый общественный вред» содеянного. Хотя согласно польскому законодательству, животное — не вещь, каждый четвертый поляк относится к животным именно так. Однако больше половины поляков считают их друзьями (30%), домочадцами (20%) или помощниками (8%). При этом 70% придерживаются мнения, что издевательства над животными должны быть наказуемо в любом случае, 20% выступают за наказание только в исключительно жестоких случаях, а 8% считают, что наказывать следует только тогда, когда насилие было необоснованным. («Газета wyborcza», 27 авг.)

• От нескольких десятков до ста тысяч лошадей вывозят из Польши на убой в Италию. Перевозка продолжается несколько дней, так как фургоны с лошадьми объезжают Австрию из-за тамошних законов, запрещающих перевозить животных в плохих условиях. Члены созданного в городе Тыхы Комитета помощи животным выкупают самых слабых лошадей, у которых нет шансов пережить транспортировку, контролируют условия перевозки и ищут спонсоров. Выкупленные лошади живут в конюшнях комитета. Все это финансируется за счет пожертвований частных лиц и спонсоров. Некоторые лошади участвуют в гиппотерапии — например, в богадельнях. Самые известные организации, выступающие за гуманное обращение с лошадьми, — это «Вива» и «Гала». Они добиваются введения запрета на вывоз живых лошадей на убой. («Газета польска», 27 авг.)

• В Дрвалёве поставлен памятник коню-донору. Во Вроцлаве на территории бывшей бойни — памятник убойным животным. В Польше есть также четыре памятника собакам: в Кракове — псу Джоку, ставшему символом верности; в Сулковице — полицейской собаке; в Познани и Казимеже-Дольном — простым дворнягам. Кроме того, в Осовой-Сени стоит памятник племенному быку Илону за заслуги в осеменении коров. («Политика», 9 авг.)

• Началась акция «Будь верным», направленная на то, чтобы хозяева, отправляющиеся на каникулы, не выбрасывали на улицу кошек и собак. («Газета польска», 13 авг.)

• В день св. Роха в великопольском городке Микстат епископ Станислав Наперала освятил сотни животных со всей Польши и благословил их хозяев. Как всегда, через весь город прошла процессия сельскохозяйственных и домашних животных вместе с их хозяевами. Традиция освящения животных возникла в Микстате в XVIII веке. Она связана с культом св. Роха, которому, по преданию, спасла жизнь собака. («Газета выборча», 18 авг.)

• 4-6 сентября в известной подкарпатской здравнице Криница-Гурска уже в 13 й раз прошел Экономический форум, на который традиционно съехались политики, предприниматели и экономисты не только из Польши, но и из стран Центральной и Восточной Европы, поддерживающих или желающих установить друг с другом экономические отношения (см. статью Виталия Портникова в этом номере «НП»). Форум в Кринице часто называют «польским Давосом». Как обычно, в первой сессии приняли участие президенты стран-участниц — на этот раз президент Македонии Борис Трайковский,

президент Хорватии Стипе Месич, президент Румынии Ион Илиеску и президент Польши Александр Квасневский. В течение трех дней состоялось более 70 проблемных семинаров и несколько пленарных сессий. Самым важным из поднятых на форуме вопросов «Новая Польша» посвятит отдельные статьи.

Антоний Павляк

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

я был одинокой женщиной
в толпе других женщин
я был болью коленей
вдавленных в каменный пол
последним вздохом молитвы
брошенным в пустоту
я был ожиданием ответа
которого быть не могло
я был

* * *

это было так давно что она
уже не помнит когда и где
забыла имя забыла лицо
того мужчины
помнит только в каком
она тогда была платье
(длинное черное в красный горошек)
Ты умерла 24 года назад
в день поминовенья
легкий порыв ветра
распахнул балконную дверь
и в комнату влетел

засохший листок
привет
из иного мира
я смотрю на твой снимок
глажу пальцами
потрескавшийся картон
Томек возвращается только во сне
он тяжело опустился на стул
и был он совсем прозрачный
я отвел взгляд
притворясь что не вижу
мы пытались говорить (его голос
доносился из дальней дали)
о непокоренных женщинах ненаписанных стихах
о выпитых вместе ваннах водки
вдруг
он встал и посмотрел мне в глаза
там пусто — сказал он на прощанье —
Бога нет

* * *

когда застрелили Че Гевару
это не тронуло тех
за кого он сражался
только об столик в парижском кафе
разбилась пара слезинок
когда мы

будем умирать
от нас останется тишина
как от народов
чьих языков
никто не помнит

* * *

те что кланялись
держатся прямо
те что были слепы
видят острее всех
те что были глухи
жадно вслушиваются
захлопни дверь одиночества
молчи — слова ничего не значат
кончилось твое время
а может еще не пришло

СТРАНИЦЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Для Антония Павляка (г.р. 1952), автора полутора десятков сборников стихов, самый новый из которых — «Страх в моих глазах глубок как колодец» (2003), поэзия лежит вне поэзии: в том, что неуловимо, несказуемо, непонятно, — в жизни, из которой в стихи попадают лишь случайные фрагменты, эпизоды. Эти страницы повседневности чаще всего обращены ко второму лицу и написаны в повелительном наклонении: «купи хлеба / кореньев / редиску / кило яблок / два кило картошки / и вынеси мусор / обед на сковородке» («Страница из биографии»). Будничность, преобразуемая в поэзию, не перестает быть будничностью, но в то же время обретает дополнительный эффект чрез форму, через «лиризацию». При этом в записях этих нет возвышенности творческого акта, а в то же время сам он есть — в записываемой жизни. Так, пожалуй, в самом сжатом виде можно передать программные установки поэзии Павляка, демонстративно отказывающейся от всякой возвышенности, отвергающей пафос, чаще всего использующей язык отчета, экономный, лаконичный, хотя одновременно не перестающий указывать какое-то «пустое место» и поэтому оперирующий недосказанностью, остановкой голоса. Это ироническое замалчивание — прием, исключительно успешный эстетически: он создает напряжение, освобождающее творческую активность читателя, как у той студентки, что появляется в стихотворении «Урок поэтики»: «я ждал ее слов / серьезного анализа / некогда записанных снов / — а вы всегда пишете / такие печальные стихи? — сказала она».

Кто из современных поэтов не слышал этого вопроса? Тем не менее стоит попытаться ответить на него, задуматься, действительно ли это «печальные стихи». Ибо это верно: печаль — одно из тех чувств, которые сопутствуют чтению поэзии Павляка. Но если предпринять «серьезный анализ», окажется, что не стихи печальны, а описываемое в них человеческое существование, бренность жизни, такие ситуации, как та, которую мы встречаем в стихотворении «Объявление». В нем говорится об эротическом объявлении, обнаруживающем выхолащивание секса, лишённого чувств, низведенного до альковной гимнастики: «мы испробовали столько позиций / что сегодня даже наши разговоры / лишь ленивый теннис / с мячиком слов».

Несомненно, печаль существования — основной вопрос, появляющийся в стихах Павляка начиная с изданного в 1975 г. и доброжелательно принятого критикой сборника «Активный целый сутки». Дальнейшее развитие этой поэзии необычайно последовательно: укорененная частично в опыте «поколения 68 го» (Баранчак, Криницкий, Загаевский), частично в американской поэзии «beat generation», лирика Павляка с самого начала составляет особое явление, располагаясь в стороне от споров между поколениями и программных дискуссий. Дистанция по отношению к этим спорам — одновременно дистанция по отношению к собственной поэзии, да и поэзии вообще. В этом Павляк близок к позиции Ружеви́ча. В отличие о него свою роль поэта он, однако, рассматривает как окказиональную — так, как в стихотворении «Я не поэт»:

знаете ли я дрожу за судьбы мира —

сказал с улыбкой поэт

— это мой долг —

прибавил он подумав

никогда не дрожал я за судьбы мира

не знал что обязан (...)

я не поэт

временами только стихи

думают мною

Лирический субъект этих стихов не умеет или не хочет обнаруживать свои чувства — это словно бы донесения беспристрастного свидетеля. Так происходит и тогда, когда в стихах описаны ситуации насквозь интимные, кстати, играющие в этой поэзии — часто поднимающей общественные и политические вопросы — огромную роль: «пот облеплял наши тела / мы стояли у окна / и я поднял вверх горящую спичку / теперь минута для соседей напротив / — пусть будет так — / сказала ты стоя нагою / на фоне мигающего огонька / призывая улицу в свидетели».

Собственно говоря, любая описываемая в стихах Павляка ситуация носит интимный характер. В этой поэзии поражает камерность пространства, даже тогда, когда появляется более широкий фон, как в стихотворении «Поезд». открывающем

просторный пейзаж: «за окном мигали изгороди Польши». Потом Польша исчезает, появляется женщина: «это длилось всего минуту / но мы подумали об одном и том же / в мгновение ока жизнь / могла покатиться иначе». Как и во многих других стихах Пвляка, здесь напряжение между тем, что реально, и тем, что возможно, хоть и не выпадает нам, определяет драматизм поэзии — будь то мир Истории с заглавной буквы или сфера личного опыта: реальность исключает это самое «иначе». Герой этих стихов определяет себя скорее по отношению к неисполнившемуся, нежели к тому, в чем ему довелось участвовать. Причем эта неисполненность истиннее и полнее, чем то, что приносит жизнь. Эти «записанные сны», о которых рассказывают стихи, представляют собой переход из реальной неисполненности в нереальное исполнение. Решающим для художественной успешности этой поэзии остается прежде всего дистанция, размещение того, что уловимо, в пространстве неисполненности, способность взглянуть на себя в уменьшающей перспективе, когда ситуации, в которых ты участвуешь, выглядят столь же нереальными, как то, что всего лишь возможно.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дальше будет про секс...

«С печалью и сожалением вынуждены информировать наших читателей и авторов, что в мае вышел последний, 138 й номер нашего журнала. Благодарим Книгоиздательство Великопольши (в прошлом — книгоиздательство „Глос великопольский”) и его председателя Мариана Марека Пшибыльского за издание и участие в финансировании ежемесячного культурного журнала „Аркуш” [„Печатный лист”] на протяжении 11 с половиной лет. Иногда нас поддерживали польские центральные учреждения (министерство культуры, Фонд им. Батория), а также заграничный фонд „Pro Helvetia” — при полном равнодушии познанских органов и организаций, созданных для опеки над культурной жизнью города и воеводства. Редакция».

Это коммюнике было помещено во многих периодических изданиях — я выписываю его из летнего номера вроцлавской «Одры» (2003, №7–8); она одна в своем комментарии подчеркивает, что «уменьшающееся число культурных журналов, отсутствие еженедельников такого содержания, исчезающие отделы культуры в газетах и выходящих большими тиражами еженедельниках снижают и так низкую «планку» всеобщего эстетического восприятия».

После 11 с лишним лет работы редакции во главе с Богуславой Лятавец это не только прощание с культурным журналом, раздавленным по вялому мановению «невидимой руки рынка», но и прощание с одним из тех изданий, на страницах которого регулярно печатались переводы русских авторов — сотрудниками «Аркуша» были, в частности, такие выдающиеся переводчики, как покойный Виктор Ворошильский и его дочь Наталья. Тем более неприятно это прощание. Еще и потому неприятно, что «Аркуш» был одним из немногих посвященных культуре периодических изданий, сохранивших форму большеформатной газеты, с плотным текстом на полосах — форму, которую сохраняют, пожалуй, только «Тыгодник повсехный» и «Газета польская» и которая составляет противоположность ныне господствующей модели богато иллюстрированной тетрадки, где текст на темы культуры не

имеет права быть распространенным, а лучше бы всего — чтобы отдел культуры сводился к нескольким моментальным снимкам, снабженным несколькими строчками поверхностного описания.

Да, прав автор комментария в «Одре»: сокращение места на культуру в польской периодике — ныне процесс господствующий, и положения не переменит тот факт, что в стране издается не меньше тридцати заслуживающих внимания журналов, выходящих раз в два или три месяца и вдобавок небольшим тиражом. Если бы при этом речь шла всего лишь о снижении уровня эстетического восприятия — что уже сигнал тревоги, — можно было бы счесть, что это только временный провал. Но речь идет о другом. О том, что это снижение уровня эстетического восприятия — функция тех неизбежно возникающих в демократическом (то есть лучшем из возможных) обществе тенденций, которые во имя поддержания больших тиражей подчиняют интеллектуальный уровень публикаций «требованиям» публики. И если когда-то одной из целей повременных изданий было воспитывать широкую публику, то теперь главная цель — угождать ее вкусам. Вдобавок все это подается под соусом «серьезности» и «учености».

За примерами ходить недалеко. В том же самом номере «Одры» напечатана большая статья Томаша Шлендака «Самосознание порносерфера». В последнем номере ежемесячного журнала «Res Publica нова» (2003, №6 — буквально последний, после этого журнал будет выходить раз в квартал), где напечатана поэма Геннадия Айги «Поклон — пению» в переводе Ежи Чеха и интересное интервью с поэтом, главное досье выпуска — «Постсексуальность». В редакционной вступительной заметке появляется «драматический» подход к этой теме:

«Со времен Фрейда, который аподиктично связал сексуальность со значением — со всяческим значением, — похоже, каждая мысль в конце концов заводит в эти мрачные края. Однако когда потоки слов о поле изливаются на бумагу в храмах интеллекта почти всего Запада, продолжает ли речь идет все о том же старом добром сексе? Вопреки видимости, в „Истории сексуальности“ [Мишеля Фуко] речь идет не просто так о сексуальности. Речь идет о власти. Речь идет о политике. Происходит политизация сексуальности, сфера наслаждения перестает быть целью, становится предлогом для рассмотрения вопросов господства и методов контроля за дискурсом».

Когда я читаю подобные откровения, у меня появляется неудержимая уверенность, что дело обстоит ровно наоборот:

речь идет не о политизации сексуальности, а о сексуализации политики. Достаточно просмотреть цветные обложки еженедельников, чтобы увидеть, с каким небывалым напряжением кричащими буквами они говорят о сексе, а полуголые или, точнее, полуобнаженные (это не одно и то же) тела завлекают широкую публику. И, глядя на это, я начинаю подозревать, что дело вот в чем: «четвертая власть» судорожно держится за власть. Власть вдобавок мнимую, так как в конце концов оказывается, что настоящая власть в руках у публики: она добилась, чтобы с ней разговаривали так, а не иначе. Это приводит к парадоксальным ассоциациям между сексом и терроризмом, как в рецензии Адама Шосткевича на знаменитые «Монологи вагины» Евы Энслер, опубликованной в том же номере «Республики»:

«Монологи, написанные Энслер на основе бесед с двумястами женщинами, — это социальный манифест, протест против двойного бесчестия. Первое состоит в том, что женскую сексуальность сталкивают в серую зону того, о чем — не удастся — не принято — и не следует говорить. Второе — изнасилование, буквальное и культурное, женщин, лишенных права на собственный язык и собственное описание женственности. Тема насилия связывает „Монологи” (...) с черным вторником 11 сентября 2001 года, хотя впервые появились задолго до травмы ВТЦ».

Еще немного, и мы дождемся интеллектуального анализа, обосновывающего правомочность терроризма как творческого развития феминистских идей, атакующих фаллические символы, которыми следует считать нью-йоркские небоскребы.

Свержение патриархата, в том числе и в его политическом аспектом, составляющее одну из целей феминистского движения, кажется неразрешимой проблемой. В досье католического журнала «Вензь» (2003, №7), озаглавленном «Куда делся мужчина?», Войцех Эйхельбергер в статье под тем же заглавием пишет:

«Когда линию разделения политической власти мы проведем по критерию пола, то окажется, что миром правят мужчины, а женщины ждут, пока властители мира отменят многотысячелетнее наследие патриархата и по своей доброй воле введут законы и обычаи, благоприятные и справедливые к женщинам. Пора признать, что мужчины не в состоянии это совершить. Притом самая главная причина не в том, что мы этого не хотим, а в том, что не сумеем, что нам в этом вопросе отказывает воображение. Мы — узники извечного стереотипа

нашей особой роли в мире, в силу чего и то, как складываются наши отношения с женщинами, стало из поколения в поколение безнадежно скучной калькой и страдает хронической беспомощностью. Женщины ждут от нас невозможного — добровольного отречения. Однако пока представительницы женской элиты не решатся посвятить себя политике (вне зависимости от того, сколь ужасно это занятие) и не обретут реального влияния на законодательство — до тех пор ничего не изменится. Даже при самых лучших побуждениях мужчины не в состоянии увидеть безграничные перемены, которые должны совершиться в праве, образовании, культуре, языке, нравах, политике, экономике и религии, чтобы процесс выхода из позорной эры дискриминации женщин закончился».

Это, понятное дело, текст мужчины, который — как таковой — прекрасно знает, о чем идет речь, наверняка лучше знает, чем самые радикальные феминистки. Далее он пишет:

«Сегодня намного труднее быть мужчиной, чем в прошлом, ибо традиционные предписания об отношениях между мужчинами и женщинами и месте мужчины в мире перестают функционировать. В результате мужчины, оказавшиеся в опасности, становятся все консервативней, а атакующие женщины выходят в авангард перемен».

Заключение автора таково:

«Не в том дело, чтобы взаимно очищать друг у друга карманы от стереотипов и утверждать, что один из них лучше, а другой — хуже. Дело в том, чтобы полностью принять, признать и развивать нашу участь как она есть, что вытекает из первоначального разделения Одного на два. Только тогда, когда мы научимся полностью принимать то, что мы такое, станет можно преодолеть отдельность своего пола и обрести опыт единства в разнородности и разнородности в единстве. Тогда женское и мужское наконец смогут взяться за руки и, цenia друг друга, в восторге творить мир гармонии и исполнения».

Красивая сказочка? Очень красивая. Следует только опасаться, что столь же болтливых сказочек будет все больше, что эти методы убеждения (читатель же — дитя!) будут применяться все чаще. Атакующие женщины уже предпринимают попытки смягчить угрожающие мужчинам опасности, как делает хотя бы Магдалена Уйма в заключение статьи «Женщины атакуют», помещенной в католическом журнале «Опции» (2003, №3), досье которого озаглавлено «Феминизм иначе»:

«Я знаю, что выражения типа „женщины атакуют” вовсе не так смешны и не так провокационны, как могло бы казаться. Знаю также, что мужчины чувствуют себя в опасности, как сообщают мне многие мои коллеги. Насколько я понимаю, это происходит потому, что женщины научились видеть свою собственную ценность, продолжают учиться быть самостоятельными, во весь голос говорить и оценивать мужчин. Это ощущение опасности меня смешит, так как мой собственный опыт показывает, что я зарабатываю меньше своих коллег, моим голосом часто пренебрегают, так как я не высказываюсь достаточно категорично, а мой образ поведения часто воспринимают как слишком эмоциональный, что немедленно дисквалифицирует меня как истеричку, а не серьезную личность. (...) Таким образом, остается целое море дел, которые надо сделать, множество работы и в мире, в котором мы живем, и в сфере сознания. Поэтому я считаю, что феминизм необходим нам в жизни, если мы хотим жить в справедливом и демократическом мире. Анифеминизм же — это защита от ситуации, которой нет и не будет. Создание искусственного врага в виде атакующей бешеной матки».

Что же делать в этом скучном мире? Признаюсь, что, составляя этот обзор, я ужасался, что каникулярная засуха и отсутствие существенных тем в нашей культурной печати обрекут меня на бездеятельность. Вот уж нет. Сексуализация мира, предпринятая СМИ, оказавшимися в опасности потерять читателей, слушателей и зрителей, позволила мне пережить еще и опыт сексуализации, казалось бы, такого асемантического искусства, как музыка. В упомянутом номере «Республики» напечатана статья Анджея Хлопецкого «Как заводит музыка?», где «Болеро» Равеля приводится как пример эротической разгрузки:

«Ритмичное, упорное в своей идиотской повторяемости оstinato, тупая реализация стратегии туда-обратно, вплоть до эффекта внезапной модуляции, после которой форма сочинения беспомощно складывает руки и говорит, что это уже конец, что ни на какое продолжение нет сил. Мы воспринимаем Равеля как представителя сублимированной французской культуры, а из него попросту вылезает насмешливо-жестокый, дикий и примитивный баск, каким Равель и был по рождению. Примеры можно умножать... Можно умножать их, рискуя натолкнуться на упрек в том, что автору этих строк все ассоциируется с благодарным и воистину достойным отдаться атрибутом некой Марыни. Но что же сделать с этой музыкой, если — асемантическая в принципе — она поддается всяческой семантизации, даже такой, которая

может подпасть под статью УК об оскорблении нравов? Она всегда отоврется и докажет, что она невиновна (говоря иначе: никто не докажет, что невиновна!), но тем, кто ее описывает, трудно спрятаться под защитный зонтик. Ибо она, разумеется, слова, образы и другие элементы содержания втянет в себя, как вагина, перекидывающая все, что поглотила, в мир идей и символов, а тот, кто описывает ее приключения, будет обречен на слова, на слова... а их не всегда удастся заслонить дымовой завесой неочевидности».

Поляки охотно надевают сексуальные очки. В уже упомянутой статье в «Одре» автор указывает, что порнографические журналы в Польше рассматривают 32% мужчин и 15% женщин, в то время в США — соответственно 16 и 4%. Шлендак далее пишет:

«Таким образом, мы имеем дело или с относительной новизной „острой эротики” на польском рынке и в связи с этим — со значительным интересом к публикациям такого типа у еще не привыкших к порнографии поляков, или же с большей откровенностью поляков в ответах на вопросы, как-никак касающиеся щекотливых дел».

В той же статье мы читаем:

«Когда-то порнография существовала на окраинах искусства и вообще на дне публичной информации. В порнопродукцию не вкладывали миллионы долларов, она вылеживалась на пыльных полках книжных секс-шопов, путешествовала запертой в багажники машин, выцветала глубоко в ящиках у молодых онанистов. Одним словом, порнография никогда не грелась под лучами мейнстрима. До сих пор».

Это выглядит утешительным (позволю себе пошутить), ибо указывает направление развития сексуального дискурса, все более бурно развивающегося в СМИ. После сексуализации политики, вероятно, наступит порнографизация той же политики. Не мне судить, хорошо это или плохо. Так или иначе — скучно. Но, разумеется, не будет недостатка в ученых мужах и столь же ученых матронах, которые на сотнях богато иллюстрированных страниц подвергнут это явление всестороннему и крайне поучительному анализу. А журналы, которые пока еще действительно занимаются культурой, займут положенное им место в архивах.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич присудил дипломы за выдающиеся заслуги в деле популяризации Польши в мире. Среди лауреатов этого года — Виктория Тихомирова, председатель Общества московских полонистов и автор первого в России учебника «Польский язык в школе».
- Глава греческой православной Церкви Патриарх Афинский и всея Эллады архиепископ Христодул стал почетным доктором варшавской Христианской богословской академии. «Для Церкви поддержка идеи объединенной Европы, — сказал архиепископ во время своего пребывания в Польше, — это не политическая деятельность, а духовная обязанность». К заслугам архиепископа Христодула можно отнести то, что Элладская Православная Церковь открылась к Европе, занялась общественными вопросами и начала интересоваться развитием науки.
- В подвалах посольства Польши в Иране обнаружен «польский архив» — большая подборка документов, описывающих судьбы тысяч поляков, эвакуированных в Иран из Советского Союза. Спустя 50 лет этот бесценный источник сведений о военной истории поляков доставлен в Польшу и передан в Архив новых документов.
- Жюри литературной премии «Нике» под председательством Марии Янион выбрало семь книг-финалистов, одна из которых станет лауреатом этого года. В финал вышли четыре книги стихов: «Проблески» Юлии Хартвиг — сборник миниатюр, представляющих собой «не поддающийся определению личный жанр поэтессы (...) каждая из них могла бы стать стихотворением, и все же это не стихотворения»; «Орфей и Эвридика» Чеслава Милоша — волнующая поэма, бессильное прощание с умершей женой Кэрол (см. «НП» 2002, №11); «Закат солнца в Милянубеке» Ярослава Марека Рымкевича — «здоровый, живой, веселый и полный задора сборник, несмотря на то, что в нем то и дело мелькают призраки Молодой Польши и романтические могилы» (см. «НП» 2003, №4); и, наконец, «Мгновение» Виславы Шимборской — «первый сборник Шимборской после нескольких лет молчания, в котором красота и мудрость соединяются в одно

гармоническое целое». В список финалистов вошли также: повесть Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» — самый громкий дебют последних лет; сборник репортажей Войцеха Тохмана о войне в Боснии, в которых «никто не стреляет и не убивает, но лицо войны, проступающее сквозь них, поражает»; и научный труд Анджея Валицкого «Россия, католичество и польский вопрос», «напоминающий о нелегком соседстве русских и поляков, на которое часто ложатся тенью стереотипы и взаимная неприязнь. Книга эта важна не только для историков России, но и для нынешнего уровня наших знаний друг о друге».

- Огромный интерес вызвала последняя книга председателя жюри «Нике» Марии Янион под названием «Вампир. Символическая биография». «Это необыкновенно печальное свидетельство состояния и развития современного мира, — пишет Кшиштоф Маслонь, — а также свидетельство состояния современной гуманитарной мысли, все более униженно склоняющейся перед массовой культурой (...) Книга проф. Янион, базирующаяся на опыте литературы и кино о вампирах, но в то же время смело обращающаяся к общественному опыту, подтверждает предположение, что существующую цивилизацию — цивилизацию насилия — лучше и точнее всего изображает не кто иной как вампир, олицетворяющий всяческое зло».

- Еще одна книга, на которую мы хотим обратить внимание, возможно, прошла бы незамеченной, если бы не трагическая гибель ее автора, журналистки «Газеты выборчей» Беаты Павляк. Беата стала одной из жертв теракта на дискотеке на острове Бали. Написанная ею книга называется «Ангелочек». Как пишет рецензент, «трудно отделаться от впечатления, что частичка души Беаты Павляк живет в героине этой повести — журналистке, которая ездит по свету, знакомится с разными религиями, философскими системами, обычаями и никак не может выбрать какое-то одно истолкование действительности».

- Традиционно присуждаемую на ежегодном слете любителей фантастики «Польком» польскую премию «Зайдль» за произведение фэнтези (названную так в честь умершего в 1985 г. физика и автора замечательных научно-фантастических книг Януша Зайдля), уже в пятый раз (хотя и не подряд) получил создатель ведьмака Гералта Анджей Сапковский за книгу «Наррентум». Однако у Сапковского растут конкуренты. Один из них — Томаш Пачинский, чья книга «Маскарад»,

обращающаяся к легенде о Робин Гуде, тоже попала в число претендентов на премию.

- Среди бестселлеров первого полугодия бесспорно лидирует небольшая книжка Иоанна Павла II «Римский триптих. Медитации» — число проданных экземпляров уже приблизилось к полумиллиону. На втором месте еще одна неожиданность — не произведение популярной литературы, а книга Зыгмунта Кубяка «Красота и горечь Европы. История греков и римлян». Лишь на третьем месте оказалась книга любимицы публики Иоанны Хмелевской, а сразу же за ней — озорной, шутливый сборник Виславы Шимборской «Стишки в рифму для больших детей». Далее всё как обычно: Грохоля, Гретковская, Масловская, Гретковская, Грохоля. Однако среди лидеров нашлось место и для Станислава Лема, и для «Пианиста» Владислава Шпильмана.

- Очень положительно оценено участие польских экспонентов и авторов в XVI Московской международной книжной ярмарке (см. статью Елены Шиманской в этом номере «НП»). Одним из приглашенных был Тадеуш Конвицкий, который почти сразу же после своего авторского вечера принял участие в открытии ретроспективы своих фильмов в московском музее кино. Московский зритель получил возможность увидеть шесть фильмов польского писателя и кинематографа, в т.ч. «Лаву» и «Долину Иссы».

- «Золотой лев» Международного кинофестиваля в Венеции присужден фильму российского дебютанта Андрея Звягинцева «Возвращение». «Действие фильма Звягинцева, — пишет Тадеуш Соболевский, — происходит в наше время в маленьком российском городке. Фильм проникнут пустотой, в которой нет Бога». Серьезным кандидатом на одну из премий был фильм Яна Якуба Кольского «Порнография» по одноименному роману Витольда Гомбровича. И хотя Кольский не был награжден, его фильм был принят очень благосклонно, а исполнитель главной роли Кшиштоф Майхшак получил весьма лестные рецензии в престижной итальянской прессе.

- На полках книжных магазинов появилась первая польская «Энциклопедия кино», в которой более 40 авторов представляют всю историю кинематографии с момента ее зарождения. Книга содержит свыше 5300 статей и всесторонне освещает историю кино.

- Роман Полянский, которому недавно исполнилось 70 лет, приступил к работе над новым фильмом: режиссер намерен экранизировать книгу Чарльза Диккенса «Оливер Твист».

Полянский — одна из самых незаурядных и любопытных личностей в мире кино. «Друзья называют его жизнелюбом, — пишет критик, — враги — скандалистом и нахалом. Сам Полянский считает себя человеком спектакля».

- Премии «Кинолета» в Казимеже-на-Висле получили: за лучший польский фильм — «Зажмурь глаза» Анджея Якимовского; за лучший заграничный фильм — «Город Божий» Фернандо Мейреллиса (Бразилия); за лучший документальный фильм — «Игры с оружием» Майкла Мура (Канада — Германия); за лучший телевизионный спектакль — «Четвертая сестра» Януша Гловацкого в постановке Агнешки Глинской; за лучший мультфильм — «Эдем» Анджея Чечота.
- На книжном рынке царит новая мода: все чаще на полках книжных магазинов появляются звуковые книги (называемые на английский манер аудиобуками), в которых лучшие актеры читают популярные романы. Хотя первые звуковые книги попали на рынок уже давно, похоже, только теперь они становятся по-настоящему популярными. Трудно сказать, чем это объясняется: прогрессирующей вторичной безграмотностью, крайней ленью или любовью к знаменитым актерам...
- Первое польское информационное телевидение ТВН-24 получило премию СМИ на гданьских Встречах средств массовой информации «Ниптель-2003». ТВН 24 было награждено «за ежедневный профессионализм и добросовестную информационную службу, а также за репортажи о заседаниях комиссии Сейма, расследующей „аферу Рывина“».
- В Люблинском музее прошла выставка «В садах Эдема. Марк Шагал: библейские сцены». Ранее 72 рисунка великого художника на библейские темы экспонировались только в Витебске и всего один раз. Большинство рисунков попали в Витебский музей Марка Шагала из частных собраний коллекционеров — главным образом немецких и швейцарских.
- На выставке «Очарование Горгоны» познанский Национальный музей представил работы живущего в Италии польского художника Игоря Митора. «Мои картины — это диалог с античностью, — говорит сам художник. — Классическая красота соединяется в них с современным восприятием. Это воспоминание о прошлом, которого не было, ловушка для зрителя. Они связаны с античностью не материально, а лишь духовно. Это современный взгляд на наши истоки».

- Недавно созданный Фонд европейской живописи «Pro Picturae» намерен пропагандировать современное искусство и показывать его, как говорит инициатор создания фонда, художник и педагог Ежи Межеевский, «в тех местах, куда приезжают жаждущие искусства люди». Фонд основали несколько выдающихся художников в ответ на постоянные сетования государственных учреждений, созданных для пропаганды искусства. Может быть, у самих художников это действительно получится лучше, чем у министерских управляющих?

- Войцех Кияр — самый выдающийся современный польский композитор наряду с Кшиштофом Пендерецким и Миколаем Гурецким. В варшавской Национальной филармонии состоялось предпремьерное исполнение его последнего сочинения «September Symphony», которое Кияр посвятил памяти жертв теракта, совершенного в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. «Он хотел выразить свою веру в то, что ценности, заключенные в американской традиции и культуре, непреходящи (...) Как это всегда бывает в случае столь серьезных произведений, время проверит правильность первых впечатлений (...) Эмоциональности [сочинению Кияра] придал Антоний Вит с оркестром Национальной филармонии, извлекая из музыки все богатство нюансов и звучаний», — писал в газете «Жечпосполита» Яцек Марчинский. Исполнение симфонии Кияра открыло прошедший в Варшаве Музыкальный фестиваль Евросоюза.

- Международный фестиваль песни в Сопоте отметил 40 летие своего существования. «В этом году концерты в Лесной опере не имеют практически ничего общего с первым фестивалем более чем сорокалетней давности, — написал критик «Газеты выборчей» Роберт Санковский. — Не было ни премии „Янтарный соловей“, ни жюри и конкурсов, в т.ч. того, где заграничные гости обязательно должны были исполнить какую-нибудь польскую песню. Зато был немалый постановочный размах и звезды мировой величины (...) Сегодня фестиваль в Сопоте — это мероприятие чисто коммерческое, что пошло ему на пользу. Несмотря на то, что многие подобные фестивали во всей Европе либо переживают кризис, либо вообще перестали существовать, в организационном плане Сопот чувствует себя весьма неплохо. В художественном плане тоже — теперь уже никто не притворяется, что мы должны ожидать от этого фестиваля чего-то большего, нежели просто развлечение». В этом году звездой фестиваля был Рики Мартин. Прекрасное шоу продемонстрировала также польская звезда Кайя.

Сентиментальных должно было привлечь выступление «Скальдов» и приглашенных ими гостей, а более взыскательные зрители наверняка остались довольны концертом группы «Готан проджект».

- Литературная премия «Нике» присуждена Ярославу Мареку Рымкевичу за сборник стихов «Закат солнца в Милянумеке». Стихотворения лауреата публиковались в «Новой Польше» (№4, 2003).

«У МЕНЯ НИЧЕГО НЕТ, КРОМЕ СКРИПКИ»

Встреча первая: «МОЙ ДОМ ВО МНЕ»

Гданьск, 9 октября 2000

— Помните ли вы первые звуки, услышанные дома?

— Сегодня мне уже не вспомнить, что случилось на самом деле, а что обросло разными легендами. Однако я наверняка знаю, что мои первые впечатления связаны с музыкой, точнее со звуками.

Я лежала в белье в корзине. Видимо, у родителей не было денег на настоящую кровать. Мы жили в одной комнате. Папа упражнялся на скрипке, брат играл в поезд, подражая звукам паровоза. Другое воспоминание — отец сажал меня на закорки и говорил: «Едет принцесса обедать». Знаете ли вы, что я родилась, когда моему папе было 59 лет?

— А остались ли у вас в памяти какие-то сильные переживания того времени?

— Не того, немного позднее. Мама, не сказав, что уходит, оставила меня с другими детьми во дворе. Я хотела пойти домой, но дверь была закрыта. Я стучала, заливалась слезами, но никто не открывал. Этот страх не войти в дом остался у меня до сих пор.

Во время Варшавского восстания я видела, как дом обрушивается на головы. Тогда я осознала, что дом можно сжечь, что его можно разрушить. И поняла, что дом как здание ничего не значит. Но как понятие, которое носишь в сердце, он необходим. Надо научиться строить его там, где ты находишься, — даже в гостинице. Это можно сделать. Достаточно поставить на комод что-нибудь, что любишь.

— Значит, можно, не имея настоящего дома, чувствовать себя сильно с ним связанным?

— В Сиднее я время от времени вижу человека, все имущество которого умещается в продуктовой сумке. Чаще всего он бывает

на вокзале, на перроне, — иногда глядит на людей, иногда дремлет. Где его дом?

— *Меняя адрес, вы не чувствуете себя одинокой?*

— Я никогда не чувствую себя одинокой. Вокруг меня целый мир. Я же всегда могу кому-то позвонить. И все-таки чувствую, что сталкиваюсь с серьезной проблемой: не очень-то знаю, где мое место.

Старший сын спросил меня, не так ли дело обстоит, что я просто люблю держать в кармане обратный билет. Не знаю, может быть, он и прав. Никто же меня не заставляет неустанно кружить с континента на континент.

— *А не в том ли дело, что вы боитесь дома?*

— У меня в Мангейме хорошая квартира, в которой я все время что-то ремонтирую. Обожаю менять и переставлять мебель. А квартира не моя, я ее снимаю. Люблю уютно расположиться в ней, даже приезжая на два-три дня. Неправда, что мне нравится жить на чемоданах. А квартира не обязательно должна мне принадлежать. Пляж мне не принадлежит. Ни парк, ни лес.

— *Значит, любое место становится вашим домом?*

— Утром я открыла окно и подумала, что в Сиднее я вижу из окна океан, в Мангейме — деревья, а здесь, в Гданьске, — костел. Когда я просыпаюсь, мне нужно на мгновение задуматься, где я.

— *Можно ли это назвать освоением мира?*

— Осваивать мир? У меня нет таких амбиций. Я всюду чувствую себя как дома. Паспорт — дело условное, а разделения никогда не исчезнут. И всегда из-за них будут драться. Сменяются формы устройства, а на самом деле ничего не меняется. Только земля уменьшается. Я сажусь в поезд в Мангейме, читаю книгу — еще не дошла до последней главы и обнаруживаю, что у проводника другая фуражка. Оказывается, я уже во Франции.

Сегодня мы уже можем открыть планеты, которые раньше были невидимы. А в то же время мы так мало знаем и так мало осознаём. Наши тела покрыты разными живыми существами, в тысячу раз меньше микробов. Мы закрываем веко, на котором идут другие жизни. Может, и мы живем на чьем-то веке?

— *Вы любите созерцать мир?*

— Знаете ли вы, что в Австралии небо другое, звезды лучше видны? Я очень люблю звезды, они меня интересуют, и я была потрясена, узнав, что четыре звезды, входящие в мой любимый Южный Крест, находятся друг от друга на расстоянии многих световых лет.

Я люблю сознавать, что мы мало знаем. Это радостно. Я не уверена, что развитие нашей науки приведет к тому, что мы будем счастливы. Скольких возможностей мы не в состоянии использовать, а в скольких не отдаем себе отчета!

— *Каково ваше отношение к деньгам?*

— Я денег не берегу. Если что-то заработала, то эти деньги уже кому-то предназначены. У меня нет ничего, кроме скрипки. Ни дома, ни машины, ни компьютера. Ну — еще два смычка.

— *Сформировано ли такое отношение к деньгам временем, когда вы росли?*

— Оно формировалось всю жизнь. Я люблю иметь деньги — потому что люблю раздавать их. Мое понятие достатка таково: каждый раз, как открою сумочку, всегда найду там сто марок. Желая иметь триста марок, я должна была бы три раза открыть сумочку.

Меня мучит печальное правило, по которому богатые становятся богаче, а бедные беднее. Разрыв между расточительством и нуждой слишком велик. Я считаю, что на земле хватает еды, чтобы никто не был голоден.

— *Какая у вас была семья?*

— Мой отец основал в Калише, при фортепьянной фабрике «Калисия», частную музыкальную школу. Все барышни из хороших семей хотели у него учиться. Так он познакомился с моей мамой. Он уже был вдовец, со взрослыми детьми.

Только после войны, когда мне исполнилось 16 лет, я узнала от мамы, что она еврейка.

Папа насмерть влюбился в нее, молоденькую девушку из зажиточной семьи. Пошел кланяться ее родителям. Они его выставили из дома. Сказали, что никогда не отдадут дочь за гоя. Маму отправили в деревню. Она оттуда сбежала и поехала в Лодзь, к тетке, которая ее любила. Папа поехал за ней. Потом они приехали в Варшаву и поженились. Перед свадьбой, утром

того же дня, мама крестилась. Оба эти события произошли в костеле Св. Апостола Иакова.

У иудейской религии законы строгие: девушка, вышедшая замуж за гоя или, например, за разведенного, перестает существовать. Словно умерла. Мама это знала.

Папа получил место в Варшавской консерватории. Мы жили на Тарчинской, в одной комнате. Нужда была ужасная. К счастью, отец нашел работу получше в Лодзи. Там жила тетушка Розенблат, к которой мы время от времени ходили в гости.

Еще в Лодзи помню фортепьянный магазин госпожи Койшвиц. Она была немка. И она сама, и две ее дочери учились игре на скрипке у моего папы. Я донашивала за ними платья и была ужасно счастлива, что у меня такие красивые платья.

— Легко догадаться, что ваше детство было связано с постоянными упражнениями, игрой на скрипке. Не жалеете ли вы сейчас, что у вас не было обычного детства?

— Когда-то жалела. Подруги играли в мяч, занимались спортом, а я не могла, и мне было грустно. Дома говорили: «Тебе нельзя играть в волейбол, потому что надо беречь пальцы. Ты не такая обычная девочка». А я кричала: «А я хочу быть обычной девочкой». Очень хорошо это помню.

Не в том была проблема, что надо было много упражняться, а в том, что повсюду приходилось носить скрипку.

Мы были освобождены от школы. К брату и ко мне приходила учительница. Брат изучал другие предметы, так как был старше. Но благодаря этому и я слегка подтягивалась.

Я жалела, что мне не оставили выбора профессии. Мне хотелось стать балериной: я всегда любила танцевать. Потом — актрисой. А когда я уже могла сама принимать решение, позади было столько достигнутого, что было бы глупо бросить музыку и поступать в актерское училище. Теперь я уже об этом не жалею.

Будь я актрисой, я сейчас уже не могла бы играть Офелию. А будучи скрипачкой, всегда могу сыграть концерт Брамса. 60 летняя скрипачка может играть совершенно то же, что и 30 летняя. Конечно, если хорошо играет.

— Вы сказали, что повсюду должны были таскать с собой скрипку. Но все-таки, наверное, были и у вас нормальные каникулы, отдых...

— Летом мы ездили к морю. Там жил мой единокровный брат Казимеж Вилкомирский, который был старше меня на тридцать лет. Он был директором польской консерватории в вольном городе Данциге. Казимеж с семьей ездил на каникулы в горы и оставлял нам свою квартиру в Лангфуре, нынешнем Вжеще. Мы ездили на пляж в Брезен, ныне Бжезно.

Однажды дочку Казимежа на улице ударили по лицу. За что? За то, что она по-польски крикнула подруге: «Скорее — трамвай едет!» Мальчишка в нарукавной повязке со свастикой ударил ее, сказав: «Sprich Deutsch!» Казимеж решил, что пора уезжать оттуда, и они успели уехать до начала войны.

— *Что было с вашей семьей во время войны?*

— Отец и мать решили оставить нас в Варшаве у родных, а сами вернулись в Лодзь. Теперь я знаю, что они сделали это ради нашей безопасности. Если б кто-то донес, что мама — еврейка, всех нас отправили бы в гетто.

В Варшаве мы все жили у тети Констанции Бухартовской, тети Коти. Все, то есть Казимеж с женой и дочкой, его сестра Мария, тетина домработница Эва, мой брат и я. В трех комнатах...

Лодзь была включена в состав Рейха, а Варшава — Генерал-губернаторства, так что возможности видаться не было. Несмотря на трудные условия и отсутствие родителей, я как раз тогда получила замечательное музыкальное воспитание. Это была другая лига. Казимеж и Мария играли камерную музыку с ведущими польскими музыкантами. Почти каждый день они готовили новую программу. Во время оккупации в Варшаве расцвела подпольная музыкальная жизнь. В кафе «Дом искусства» на улице Новый Свет, принадлежавшее известному пианисту Болеславу Войтовичу, приходили даже немецкие офицеры, переодетые в штатское. Приходили послушать музыку. А я, слушая музыку или переворачивая ноты пианистам, училась тому, как следует вести себя на эстраде.

Во время Варшавского восстания мой брат попал в плен. Он выжил. Помню дым, развалины, языки огня, эвакуацию жителей Охоты на овощной рынок. Потом я попала в лагерь в Прушкове, откуда мне удалось сбежать. Я присоединилась к санитарам с носилками. Они надели мне на рукав повязку Красного Креста, и я им несколько часов помогала. Мне было 15 лет, и у меня не было крыши над головой.

Интересно, что, говоря о восстании, я думаю о доме. Мои родители были бродягами: вечно меняли место жительства, так что я даже не могу вернуться в дом своего детства. Где он?

Санитары подвезли меня в Колюшки, к даме, которую я не буду называть, хоть она и приняла меня под свой кров... Когда-то она была ученицей моего отца, но вела себя исключительно зловредно. Все время повторяла: «Ну что, пан профессор был такой большой человек, а доченьке приходится у меня убираться?!» И я убиралась, дочиста начищала полы. А она проверяла, хорошо ли я вытерла пыль, и приговаривала: «Что, ручки бережем?» Все время мстила, издевалась надо мной. Видно, папа не считал ее способной.

— *Думали вы сбежать оттуда?*

— Решение бежать нарастало со дня на день. Я начала искать людей, которые переводят через границу: решила добратся к родителям, в Лодзь.

У родителей о нас не было никаких известий. Каждый день они за нас молились. Мать готовила отца к тому, что, может быть, мы никогда не найдемся.

Я нашла проводника. Он был парикмахер. Он не хотел мне помочь, так как я была слишком молодая. Повторял: «Не может быть и речи! Я не перевожу детей!» В конце концов согласился, но одновременно предостерег меня. До сих пор помню его слова: «Если не выдержишь, перепугаешься, ножки заболят — брошу как собаку». Спрашивал, уверена ли я, что родители ему заплатят.

Мы перешли границу. Лаяли собаки. Стоял декабрь 1944 года. Нам нужно было дойти раньше комендантского часа. Темнело. Но мы шли и шли — из Колюшек в Лодзь. Ничего себе, а?

Разумеется, мы дошли, когда уже был комендантский час. Я довела его на место, помня план, который мама нарисовала мне в одном письме.

Родители жили в какой-то бывшей лавочке. Мы принялись стучать в большое окно. Я услышала перепуганный голос матери: «Кто там?» Я ответила: «Это я». Мать сразу впустила нас. Плакала, рыдала. Отцу стало плохо с сердцем. Родители отдали этому человеку все деньги, какие у них были. Он остался у нас на ночь и выскользнул на рассвете: или просто возвращался, или переводил кого-нибудь на другую сторону.

Освобождение я пережила в Лодзи. Помню, как триумфально ехали танки, женщины махали флажками, еще бело-красными. А Варшавы не было.

— А музыка?

— По-прежнему. Еще до освобождения отец закрывал окно и заставлял меня упражняться. Война, восстание, горящая Варшава, потрясения, травмы — неважно, я обязана была играть.

Наступило освобождение, и начался кошмар. В Лодзь вступила победоносная советская армия, и начались грабежи, насилия. Насиловали и девочек моего возраста, и женщин — ровесниц моей матери.

Однажды вечером я, как обычно, играла на скрипке. Окно было закрыто. Мы слышали, что кто-то стучится в окно. Сильно. Настойчиво. Мама открыла.

В квартиру ворвался январский мороз. В дверях стоял очень красивый офицер в казацкой мохнатой шапке. По затуманенным глазам мы сразу поняли, что он пьян. Рядом стоял другой военный, наверно его адъютант. Он был еще пьянее.

Офицер спросил: «Кто здесь на скрипке играет?» [здесь и далее курсивом — в тексте по-русски. — Пер.]. Посмотрел на мою маму, красивую женщину, посмотрел на меня. Отец ответил на хорошем русском языке: «Моя дочка прекрасно играет — может, хотите послушать?» Офицер уселся и отдал мне приказ: «Играй». Отец шепнул: «Меланхолическую серенаду», — и сел к пианино. Я взяла в руки скрипку. Ти-ри-ра, ти-ри-ра... Я играла ему изумительно красивую мелодию Чайковского. Ти-ри-ра — я играла все печальней. Через некоторое время офицер снял шапку, а потом сорвал шапку и с головы своего спутника. Эта серенада продолжается минут восемь. Она очень ностальгическая, я сама почти расплакалась. Стало ужасно грустно. Когда я кончила, русский сказал: «Ну и пошли, спасибо». Они вышли. Все это было как чудо. Ни с кем из нас ничего не случилось. Нас спасла музыка. Этот парень, наверно, так долго был на войне, что стосковался по матери-России. Я почувствовала над собой Провидение. И чувствую до сих пор.

Встреча вторая: «Я НЕ ВЕРЮ В СМЕРТЬ»

Гданьск, 10 октября 2000

— Вчера вы рассказывали, как вашей маме, чтобы соединиться с вашим отцом, пришлось бежать из дому. Рассказывала ли она вам о своих родителях, братьях, сестрах?

— Однажды я вдруг осознала, что у меня нет ни дедушек, ни бабушек. Я спросила про них маму. Она ответила: «Твоему отцу было почти 60 лет, когда ты родилась. Ну и понятно, что дедушка с бабушкой давно умерли». Но я не отставала. «А твои родители?» — спросила я. И только тогда она рассказала свою семейную историю. Сказала, что у нее были сестры, но она не знает, что с ними, даже живы ли они. До сих пор я, например, не знаю, погибли ли ее родители в войну, убитые газом, или умерли своей смертью. Они от мамы отказались, и она даже не пробовала с ними связываться. Во время этого разговора мама рассказала мне о своей сестре, которая была коммунисткой и доставила родителям много горечи. «Я им нанесла рану, выйдя замуж за христианина, — сказала мама, — а она — потому что была коммунисткой». Сестра мамы была преподавателем польского языка, работала у Корчака. В конце 20-х она вместе с группой архитекторов, врачей и учителей поехала строить Советский Союз.

Прошло много лет. В 1957 г., будучи уже известной скрипачкой, матерью двух детей, я получила странное письмо-треугольник, написанное по-польски. Адресовано: «Пани Ванда Вилкомирская. Польское радио, Варшава». Это письмо довольно долго блуждало по Варшаве, но, к счастью, добралось до меня. Прежде чем я его открыла, мой муж сказал, что письмо выглядит так, будто оно пришло из какого-нибудь лагеря. Мы прочитали его вместе. Содержание его было примерно таково: «Глубокоуважаемая пани, а может быть, милая Ванда! Если твоя мать — Дебора Темкина, а твой отец — Альфред Вилкомирский, то я твоя тетя. Умоляю, умоляю, умоляю, умоляю. Вытащите нас. Твоя тетка Матильда». Я тут же позвонила маме, спросила, есть ли у нее сестра Матильда. Услышала рыдание: «Матерь Божия! Мадзя жива?? Где она?» Когда я приехала к маме, она принимала валерьянку. Мой муж повел себя прекрасно, сделал все, чтобы вытащить родственницу из лагеря, невзирая на неприятности, которые мог бы из-за этого иметь. Она приехала в Польшу в 1958 г., с каким-то огромным эшелонном. Мы встретили ее на Восточном вокзале. К ней прижимался маленький перепуганный мальчик. Из поезда вышли обнищавшие, серые люди с мешками. Родные их не узнавали. И тут следуют два завершения рассказа.

Первое. Тетка ехала счастливая строить Советский Союз. Поезд пересек границу, и там ей и прочим сказали выходить, потому

что другая колея. Велели пересест в другой поезд. Они сели в товарные вагоны, по-прежнему счастливые. Их заперли снаружи, на замки. Поезд тронулся. Они кричали — это ничего не дало. Пришлось как-то обжигаться. В одном углу они устроили уборную.

Высадили их в лагере. Работали они в самых примитивных условиях. К ним не доходила никакая информация. Вывезли их далеко, достаточно далеко, чтоб они не пытались бежать. Те, кто попытался, погибали от голода и холода. Потом откапывали их скелеты. Тетя Мадзя провела в лагере тридцать лет.

О советских лагерях написано множество книг, воспоминаний. Даже тетя Мадзя записала свои воспоминания: как родила в лагере сына, как после смерти Сталина в лагерь начали приходить газеты, стало можно писать письма. Тетя Мадзя говорила нам когда-то: «Немцы убивали газом, а русским даже не нужно было убивать. Они попросту позволяли сдохнуть». Говорила она это с ужасом и горечью.

И вот в одно из воскресений Мадзя слушала через лагерьный громкоговоритель концерт польских артистов, гостивших в Москве. Услышала, что «полонез Венявского исполняет скрипачка Ванда Вилкомирская». Фамилия была знакомой — ее носил человек, за которого вышла замуж ее сестра. Теоретически Ванда могла быть его дочкой. И написала письмо.

Завершение второе. Жизнь ничему не научила тетю Мадзю. Она ходила по Варшаве в восторге, восклицала: «Жеромский! Стекланные дома!» Так и умерла влюбленной в социализм.

— *А может ли спасти музыка?*

— Одна моя знакомая — адвокат в Сиднее. Возвращаясь домой, она слушает Моцарта, Шуберта. Она нуждается в музыке. Однажды она мне сказала: «Твоя профессия состоит в постоянном контакте с красотой. Ты в ней купаешься. Тебе не нужно возвращаться домой с мыслью, что надо смыть с себя всю грязь мира. Я все время имею дело со злом. Защищаю по профессии, то есть защищаю настоящих преступников. Работаю на то, чтобы они получили не пожизненное заключение, а, например, 25 лет. Осматриваю места преступления, отрезанные конечности, снимки трупов. Ищу доказательств того, что вина моего клиента не так уж страшна. Ищу доказательств того, что он ненормален, что в детстве его мучил отец и поэтому он стал садистом. Чтобы очиститься от этого, мне нужна музыка. Никакой душ меня не очистит».

— О чем вы думаете, когда играете?

— Недостаточно знать наизусть ноты — я должна так же хорошо знать музыку, которую играю. Внутренне слушаю ее вечером, перед концертом. Тогда слышу все: вторую флейту, виолончель. В каком-то смысле отождествляюсь с композитором. Во время особенно трудных концертов внимательно слежу, обращаю внимание на предстоящие октавы. Во время более легких, когда мы сыграны с партнером, не думаю о технике, а просто рассказываю людям историю — без слов, одними чувствами.

— В одном из интервью вы сказали, что боитесь перестать концерттировать.

— Это не так. Я боюсь играть слишком долго. Боюсь, что начну играть все хуже и никто не осмелится сказать мне: «Перестань играть». Может быть, мы слишком снисходительны к себе и из-за этого не слышим, что становимся все хуже. Боюсь дать хоть один лишний концерт.

— Мы беседуем в Гданьске, где вы ведете мастер-классы. Что значит для вас педагогическая работа?

— Это моя вторая профессия, которая приносит мне огромное удовлетворение. Мотивирует. Я люблю молодежь. К моим студентам отношусь как к своей семье. Получаю от них письма, даже когда они уже где-то далеко делают музыкальную карьеру. Присылают приглашения на свадьбы, снимки своих детей. Я этим горжусь. Правда, среди моих учеников не слишком много лауреатов международных конкурсов, зато несколько концертмейстеров, играющих в больших европейских оркестрах. Все работают по профессии.

Педагогический труд не заменяет концертов, а дополняет их.

— Вы не такой педагог, который топает ногами, кричит и вырывает смычок.

— Вы были на нескольких моих уроках. Прежде всего я не из тех, кто повышает голос. На сыновей я тоже не кричала.

— Используете ли вы в педагогической работе опыт своего материнства?

— Пожалуй, да. У меня сыновья, поэтому я хорошо знаю мальчиков. А о девочках много узнала, работая с ними. Поверите ли вы, что мои студенты часто относятся ко мне с большим доверием, чем к своим родителям?

Еще одна простая истина. Дети, которым я преподаю, — это дети особенные, может, более впечатлительные, может, более трудолюбивые: они добровольно учатся музыке, посвящают ей все свое время.

— Не жаль вам хотя бы того 13 летнего мальчика, который вчера был у вас на уроке, что ему приходится целыми днями заниматься?

— Да что вы! Вы демонизируете. Вы на самом деле думаете, что он играет целый день? Такому маленькому мальчику нельзя играть больше часа в день. Упражняться надо с умом. Я никогда не упражнялась очень подолгу. Я была маленькая, худая, сил у меня было мало — так что не могла играть все время. Тяжелый труд начался позже, уже во взрослой жизни: поездки, концерты, а в свободные дни — вопрос: «Остаться дома, с детьми, или пойти с мужем в кино?» Я знала, что, если останусь с мальчишками, огорчу мужа, а если пойду с мужем, дети обидятся, а мне в кино будет грустно.

— Какой самый важный урок внушили вы своим детям?

— Моя мать всегда повторяла: «Доченька, будь доброй». Одна журналистка спросила меня, какую черту я больше всего ценю в мужчинах. Я ответила: «Пожалуйста, не различайте по полу. В мужчинах я ценю то же, что и в женщинах, — согласие дел и слов». Этими принципами я руководствуюсь в жизни и их внушала своим сыновьям.

— Что для вас важнее музыки?

— Сыновья. Мать способна отдать ребенку свою почку и жить с одной. Если бы по какой-то важной для сыновей причине мне стало необходимо перестать играть, я сделала бы это не задумываясь.

— Чего вы боитесь?

— Физического страдания. А еще боюсь попасть в зависимость. Если бы я утратила власть над своим телом, если бы меня надо было кормить, мыть, я предпочла бы находиться в каком-нибудь специализированном центре, не хотела бы зависеть от семьи, отягощать их.

— Разве в таком случае можно решать за родных?

— Я имею право написать это в завещании.

— А если бы родные захотели за вами ухаживать?

— Знаете ли вы, как ужасно иметь в доме умирающую старушку?

— *Какая старость была у вашей мамы?*

— У нее жизнь была тяжелая, но старость — прекрасная. Она рано овдовела. Но умела заполнить свое время. В музыкальном центре она учила детей играть на фортепьяно. Когда ей уже было 70 лет, научилась азбуке Брайля, чтобы обучать детей в школе для незрячих. Дети читали ноты пальцами. Дети ее обожали.

Я хотела, чтобы она поселилась у меня. Зимой она приезжала в Мангейм. Я не могла ее навещать, была в эмиграции. Чувствовала она себя прекрасно. Отогревалась в моей квартире и повторяла: «Ах, как хорошо!» Она умела радоваться. Всею. После всех страданий и болезней: у нее удалили почку, оперировали катаракту, сердце было слабое.

От нее я научилась радоваться жизни, самым простым вещам, не огорчаться тем, что было вчера, и не бояться того, что будет завтра.

Что еще я помню? Она была независимой. Приезжала ко мне, в Германию, но остаться не хотела, возвращалась в Польшу. «Люблю тебя больше жизни, — говорила она, — но ты не можешь заменить мне весь мир».

О смерти мамы меня известила родственница. Помню, я ответила на телефонный звонок в кухне, поглядела на стоявшую там мамину фотографию. Сказала ей: «Больше тебе не нужно ни паспорта, ни визы, ни самолета. Теперь мы можем разговаривать в любой момент».

Она умерла, а я не могла даже поехать на похороны, у меня еще не было права въезда в Польшу. Не была на похоронах и поэтому не думаю о ней как о погребенной на кладбище. Говорят, ее провожали толпы людей. Люди ее любили.

Я не верю в смерть. Тело рассыпается, в конце концов исчезает. Но душа остается. С нами. Рядом. Мне даже не нужны были вещи, которые напоминали бы о маме. Кое-что у меня есть: пасьянсные карты, обвязанные ленточкой, и малюсенький янтарный кораблик, который она привезла из Гданьска, когда была еще маленькой девочкой.

— *А где сегодня ваш дом?*

— Дом носишь в себе. Если человеку хорошо с самим собой, то он везде почувствует себя как дома, потому что себя всегда берет с собой.

Кроме скрипки, нескольких фотографий и мишки-коалы, я в каждую поездку беру с собой миниатюрный глобус, который ставлю в гостиничном номере. Может, это и есть «фотография моего дома»? Земля?